В Сортавала уже в XVII веке была православная церковь святого Николая. Она с давних пор стояла на острове Рантуе и на этом же месте в начале 1700-х годов была построена новая. После войны 1656–1661 годов православный приход был небольшим. Во время шведского правления православная церковь существовала с большими трудностями (1). С 1629 года шведские власти стали заботиться о предоставлении возможности исполнения обрядов лютеранской паствой, проживавшей в Северном Приладожье. Лютеранская церковь была построена в Хелюля, на северном склоне Паасонсалми. Церковь и дом лютеранского священника были уничтожены в войну 1656–1661 годов, и после наступления мира было начато строительство новой церкви в восточной части города на полуострове Кирккониemi. Церковь стала функционировать с начала 1670-х годов.

Интересно отметить, что горожане всячески содействовали обустройству церквей. Лютеранское население совместными усилиями собрало деньги на приобретение церковного колокола, за которым специально ездил в Стокгольм горожанин Антти Таскинен. Православные заботились о своей церкви не меньше, чем лютеране. Известный сортавальский православный купец Юрий Клиппо купил на свои личные деньги 3 колокола и привез их из Стокгольма.

По данным съемки город представлял вытянутый с севера на юг прямоугольник площадью 8,5 га размерами 400 м шириной и до 270 м длиной. Береговая линия была на 20 м ближе к городу, чем сейчас (1).

Таким образом, Сортавала возникла как небольшой форпост шведской власти в Северном Приладожье и развивалась как небольшой торговый шведский город, жители которого были преимущественно финнами лютеранского происхождения с небольшим включением карельских православных семей.

1. Bjorn I. Suomalaisten Sortavala. Laatokan valkoinen kaupunki // Hakamies P. Sortavala - rajakaupunki. 2001.
2. Jaatinen M. Sortavalan rakentaminen. Espoo, 1997.
3. Karttunen Y. Sortavalan kaupungin historia. Sortavala, 1932.
4. Pajamo R. Sortavala, Laatokan lauluva kaupunki. Joensuu, 1985.
5. Tiainen J. Sortavala Laatokan karjalan nousun aikana 1880-1918. Yvaskyla, 1970.

Садиков Р.Р.

Кажаевские мурзы – этносословная группа мордвы (история и современность)

*Уфимский федеральный исследовательский центр РАН
(Россия, Уфа)*

doi: 10.18411/trnio-11-2021-132

Аннотация

В статье предпринят анализ этнокультурных особенностей группы мордовского населения Республики Башкортостан (с. Кожай-Андреево Туймазинского и с. Кожай-Максимово Ермакеевского районов), именующей себя мурза («кажаевские мурзы»). Научная новизна заключается в том, что на основе исторических источников и полевых этнографических материалов впервые рассматриваются этнокультурные особенности мордвы этих поселений, обусловленные их сословным статусом в прошлом. В результате исследования показано, что мордву-мурзу можно выделить в отдельную этносословную общность, имеющую свои самосознание и самоназвание и обладающую языковыми и этнокультурными особенностями.

Ключевые слова: мордва-мурза, сословная группа, история формирования, этнокультурные особенности, Республика Башкортостан.

Abstract

The article analyzes the ethnocultural peculiarities of the group of the Mordovian population of the Republic of Bashkortostan (Kozhai-Andreevo settlement of Tuimazinsky and Kozhai-

Maksimovo settlement of Ermekeyevsky districts), who call themselves murza ("Kazhaevskie murza"). The scientific novelty consists in the fact that on the basis of historical sources and field ethnographic materials the ethnocultural features of the Mordva of these settlements, conditioned by their class status in the past, are examined for the first time. As a result of the research it is shown that the Mordva-Murza can be distinguished into a separate ethnosocial community, which has its own self-consciousness and self-name and possesses linguistic and ethnocultural features.

Keywords: Mordva-Murza, estate group, formation history, ethnocultural peculiarities, Republic of Bashkortostan.

Одним из регионов компактного расселения мордовского народа является Республика Башкортостан. Здесь выделяется небольшая по численности группа мордвы-эрзи, которые называют себя *мурза*. Они проживают в с. Кожай-Андреево Туймазинского и с. Кожай-Максимово Ермакеевского районов. Жители этих населенных пунктов, хотя и относят себя к эрзе, но отмечают, что «мы – мурза», их самоназвание – *мурза*, *мурзат* (мн.ч.). По словам информантов, мордва-мурза с другими мордовскими деревнями региона контактов не поддерживали, не имели с ними и брачных связей.

Самоназвание данной общности свидетельствует, что она сложилась на основе переселенческой группы служилого населения. Как известно, в составе мордвы в Алатырском и восточной части Арзамасского уездов в XVI – XVII вв. выделялась прослойка служилых мурз, возможно, сохранивших свой титул еще со времен Казанского ханства. В связи со строительством оборонительной линии, мордовские мурзы были массово переведены на службу по новым городам и крепостям Атемар, Саранск, Карсун, Синбирск, Пенза и др. Там они несли станичную службу по охране границы, и получали за нее, помимо денег, жалование в виде земли, и в свободное время занимались земледелием. Поселяясь на необжитых землях, мурзы основывали новые населенные пункты. Имеются исторические документы, подтверждающие переселение потомков мордовских мурз в XVIII столетии в Уфимский уезд [7, с. 45–46].

По мнению самарского историка А.Н. Демидова, уфимско-оренбургские мордовские мурзы являлись переселенцами XVIII столетия (после III народной ревизии) из тогдашних Пензенской и Синбирской провинций [2, с. 90; 3, с. 19]. В «Ведомости о составе мурз, проживающих в Оренбургской губернии» (1835–1837 гг.), перечислены мордовские населенные пункты, где они жили. Это мурзы Буркины из д. Алешкино (Демские вершины) Стерлитамакского уезда, мурзы Еделева из д. Наумкино Стерлитамакского и дд. Петряево и Кагалыш (вероятно, Енгальш – Р.С.) Уфимского уезда, мурзы Покшазорские из г. Стерлитамака, д. Садовка Стерлитамакского уезда, дд. Кожеево и Новое Кожеево Белебеевского уезда [2, с. 90–93]. Касательно мурз Покшазорских из д. Садовки Стерлитамакской и д. Кожеевой Белебеевской округ в документе 1828 г. отмечается, что их «деды и прадеды жительство имели и владели оного помещную землю Пензенской губернии и уезда в деревнях Ручиме и Садовке, а отцы наши назад тому с 65 по малоимению жалованной по Пензе земли перешли на жительство в Оренбургскую губернию и поселились в Стерлитамакском и Белебеевском уездах» [3, с. 20].

Кажаевские мурзы (по неофициальному названию их сел – *Кажай*), в отличие от потомков служилой мордвы, проживавших в других населенных пунктах и регионах, до сегодняшнего дня сохранили свое этносословное самосознание, а их сословное наименование стало выступать в качестве самоназвания, что, кстати, характерно также для некоторых отдельных групп потомков других категорий служилого населения [4, с. 33; 6, с. 1110–1111; 11, с. 47].

Судя по источникам, первоначально мордовские мурзы поселились в д. Кожеево (ныне Кожай-Андреево) Белебеевского уезда, откуда в дальнейшем часть жителей выставилась в д. Новое Кожеево (Кожай-Максимово) того же уезда. Еще в 1870 г. последнее поселение именовалось как деревня Новая Кажаева (Максимова) [10, с. 39]. Кожай-Максимово, вероятно, было основано в 1786 г. на землях башкир Кыр-Иланской волости Белебеевской округи Уфимского наместничества [9, с. 31]. Также по преданиям известно, что часть жителей из

Кожай-Андреевой переселилась в д. Староиликово нынешнего Бакалинского района («Восемь семей прибыли из Кажеево где-то 310 лет тому назад. До этого здесь жили казаки». К настоящему времени они потеряли свою мурзинскую идентичность и не контактируют с остальными мордовскими мурзами. Но, видимо, связи кажеевских мурз со староиликовской мордвой еще сохранялись в начале XX столетия. Например, в метрической книге с. Кожай-Андреевой за 1911 г. отмечен брак местного крестьянина с «крестьянской девицей» д. Старой Иликовой Бакалинской волости [8, ф. и-294, оп. 7, д. 769, л. 18 об.].

По данным переписи населения 2010 г., в с. Кожай-Андреево проживало 25 чел., в основном мордва; в с. Кожай-Максимово – 6 чел. [13, с. 69, 128]. На сегодняшний день в первом селе еще имеется небольшое число постоянно проживающих жителей, многие приезжают только на лето. Второе село практически превратилось в дачное поселение, постоянными жителями являются не местные уроженцы, а работники фермерского хозяйства и обитатели монастырского скита. С началом разработки в 1953 г. Шкаповского месторождения нефти многие жители с. Кожай-Максимово переехали в пгт. Приютово, где давали квартиры нефтяникам. В начале 1980-х гг. всех сельчан принудительно переселили в центральную усадьбу совхоза с. Новое и к 1985 г. поселение практически обезлюдело. В 1960-е гг. с началом укрупнения колхозов начало «распадаться» также с. Кожай-Андреево. Многие жители переселились в г. Октябрьский и окрестные села. По приблизительным подсчетам (2020 г.), проведенным уроженкой с. Кожай-Максимово Надеждой Сергеевной Бочковой, общественной активисткой, ныне местных «кажеевских мурз» насчитывается примерно 679 чел., в т.ч. в Белебеевском районе 429 чел. (в г. Белебей – 120, пгт. Приютово – 264, селах Аксаково, Надеждино, Баженово, Малиновка – 45); в Бижбулякском районе 45 чел. (в селах Сухоречка, Ивановка, Каменка, Михайловка, Ик-Вершина); в Ермекеевском районе 62 чел. (в селах Бекетово, Кожай-Максимово, Новый, Восьмое Марта, Спартак); в Туймазинском районе 59 чел. (в селах Кожай-Андреево, Каратово, Кандры); в г. Октябрьский 84 чел.

В июле 2019 г. с целью изучения этнокультурных традиций кажеевских мурз была совершена этнографическая экспедиция в с. Кожай-Максимово Ермекеевского, с. Кожай-Андреево Туймазинского и с. Староиликово Бакалинского районов Республики Башкортостан. Исследовательская группа работала в составе историка, доцента Самарского государственного социально-педагогического университета, к. ф. н. А.Н. Демидова, этнографа, профессора Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, д.и.н. Г.А. Корнишиной, антрополога, независимого исследователя, к.и.н, доктора философии Т.Г. Миннихметовой (Австрия) и этнографа, главного научного сотрудника Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН, д.и.н. Р.Р. Садикова. В ходе бесед с информантами, местными жителями и уроженцами, и посещения этнокультурных объектов (мест проведения праздников, кладбищ, церквей), была получена уникальная информация о языковых особенностях, традиционных календарных и семейных праздниках и обрядах, одежде, современной этнокультурной и конфессиональной ситуации у мордвы-мурзы.

Главное отличие мурзы от остальных эрзи, по мнению информантов, заключается в языке, где очень много русских заимствований, например, *риба* – ‘рыба’, *мила* – ‘мыло’, *блида* – ‘блюдо’, *пасиба* – ‘спасибо’ и т.д. Они отмечают, что «мурзинский язык» отличается от говора местных эрзян: «Суллинские (жители с. Новые Сулли Ермекеевского района Республики Башкортостан – Р.С.) постоянно смеялись над нашей речью. Например, ледьме у нас стрелять, у суллинских – косить». Выявляется также пласт мокшанской лексики, например, *пине* ‘собака’, *юдма* ‘разделочная доска’ и т.д. Особенности их разговорной речи отмечают также жители других мордовских населенных пунктов.

К сожалению, образцов традиционной холщовой одежды у местных жителей не сохранилось. Судя по фрагментарным данным, полученным в ходе полевого исследования, можно установить, что в одежде кажеевских мурз также проглядывается переплетение эрзянских и мокшанских традиций. Женщины надевали рубаху *ало панар* без рукавов: «нижние рубахи, шились из беленого домотканого полотна в пять точек, две передние с разрезами по шву

от щиколоток до колен и от шеи до груди, затем две боковые точки длиной от щиколоток до рук, плюс заднее полотно длиной от щиколоток до плечей. По подолу и вокруг разреза нижнего, а также вокруг ворота и верхнего разреза ало панар обшивался вышивкой красной шерстяной нитью». Имелись также верхние рубахи – *панар*: «Женские панары шились также как ало панары, только с рукавами, прямыми без выкроя и короче нижней рубахи на 15–20 см. Будничный панар обшивался цветными звездочками по вороту, краю рукавов и подолу. Праздничный панар имел более богатое оформление, наряду с вышивкой, грудка обшивалась тесьмой, бисером, ракушками, монетами, боковые швы обшивались тремя рядами тесьмы. По подолу шли ленты, тонкие кружева, тесьма. Широкие рукава сверху вниз оформлялись полосами тесьмы». Вышивки по центральному шву не имелось. Таким образом, можно предположить, что местные рубахи сочетали эрзянский крой с мокшанским типом расположения вышивки. Нагрудный вырез застегивался овальной формы *сюльгамо*.

Поясным украшением служил *пулакши*, который состоял из полоски ткани с пришитыми к ней шерстяными нитками черного и бордового цветов, украшенными на концах бисером. Праздничные пулакши имели более длинные нити, чем носимые в будни. Под завязки пулакша просовывали с обеих сторон с боков *рутя*, *руця* – вышитые полотняные ленты. Как известно, боковые полотенца являлись традиционной принадлежностью мокшанского костюма [1, с. 104]. Сохранившийся поздний образец *руця* представляет собой полоску хлопчатобумажной ткани шириной примерно 15 см и длиной около 1,5 метра, украшенную вышитыми гладью цветочными композициями. К подвязке пулакша привешивали также тряпичные кошельки и гребешки. По «особым случаям» женщины на голову надевали «торчащий спереди» *панго* с лопастью сзади – *панго пуло*. «Панго – головной убор, делался в форме усеченного конуса высотой около 20 см., чаще всего из бересты или из плотного сукна со вставленными обшитыми палочками, сверху обшивался атласом или красной материей, а затем украшался бисером, лентами, тесьмой, у виска вешались пуховые шарики. С затылка сверху пришивался отрез ткани атласный или простой красного цвета, длиной до низа лопаток. По низу назатыльник украшался бисером, лентами». К убору подвешивали также цветные ленты. Праздничным головным убором служили кашемировые платки – *кашамир патя*. В качестве верхней распашной одежды использовался *зипун* – расклешенный кафтан из бархата или велюра. Украшениями являлись бусы – *эргинеть*, изготовленные из цветных камушков или покупных бусинок. Бусы надевали в несколько рядов, даже до 20. Девичьими украшениями были накосники – *пулогирксь*, полоски ткани с нашивками из бисера, колокольчиков, цветных ниток и раковин каури. Вышитую одежду из холста одевали женщины, родившиеся до 1930-х гг. Позднее она сменилась кофтами и юбками, украшенными по подолу двумя полосками разных цветов.

Практически до 1980-х гг. в мурзинских поселениях сохранялись многие календарные праздники и обряды. Широко отмечали рождество (*роцува*), масленицу (*маснитя*), пасху (*инечи*), троицу (*тровитя*) и т.д. Престольным праздником во всех селениях мордвы-мурзы являлся день памяти святых бессребреников, врачей и чудотворцев, Космы и Дамиана Асийских (Кузьминки), отмечаемый 14 ноября (1 ноября по старому стилю). В конце XIX – начале XX в. в Кожай-Андреево и Кожай-Максимово были построены церкви (в последней она была освящена в ноябре 1900 г. [12, с. 12]), посвященные этим святым, в д. Староиликово имелась часовня в честь них. На престольный праздник приезжали родственники из других деревень, ходили в гости, справляли свадьбы. Необходимо отметить, что в старину, судя по метрическим книгам 1901–1916 гг., браки венчали в основном в январе – феврале и ноябре месяцев. Также по ним выясняется, что жители сел Кожай-Андреевой и Кожай-Максимовой брачных связей не имели, жен брали в основном из своих же сел, изредка венчали браки с «девицами» из Новых Суллей, Старой Иликовой, Каменки, Верхних Курмазей, Новой Федоровки, Ардатовки Белебеевского у. Уфимской губ. [8, ф. и-294, оп. 7, дд. 768, 769, 771, 772, 773, 774, 775, 776, 777]. В метрических книгах 1910–1916 гг. по с. Кожай-Максимовой указаны выделившиеся оттуда Ключаревский, Александровский и Петряевский поселки [8, ф. и-294, оп.

7, дд. 776, 777]. Священниками в начале XX в. в Космо-Дамиановской церкви с. Кожай-Андреевой служили Архип Максимов, Парамон Сухарин, Иоанн Орлов, в церкви с. Кожай-Максимовой – Сергей Важдаев, Никита Комисаров.

Практически распавшаяся в 1980-е г. в связи с депопуляцией этих поселений, этносословная общность мордвы-мурза в 2000-е гг. снова стала возрождаться. Уроженка с. Кожай-Максимово Надежда Сергеевна Бочкова, ныне проживающая в г. Белебей, стала инициатором ежегодного празднования Троицы в реликтовом сосновом бору в окрестностях ее родного села на *Пиче-горе*. Впервые выходцы из села собрались на праздник в день Троицы в 2006 г. С 2007 г. празднование приобрело уже масштабный характер, куда ежегодно съезжаются бывшие сельчане и их дети не только из Башкирии, но и других регионов России и стран зарубежья. По словам Н.С. Бочковой, к «троицынскому движению» приобщают также мурзу из Кожай-Андреево и Староиликово. В ее планах, организация в каждом из сел своих ежегодных праздников, куда бы съезжались все мурзы. Общественной активисткой издана небольшая брошюра на «мурзинском языке» с параллельным русским переводом, посвященная традициям кожай-максимовских мурз. Одной из площадок осмысления «мурзинской» идентичности является группа «Кожай-Максимово» в социальной сети «Одноклассники», где обсуждаются актуальные события, связанные с их жизнью, выкладываются фотографии.

Местом притяжения для мордвы-мурзы являются также их сельские кладбища. Навестить могилы родственников накануне Троицы приезжают многие выходцы из «мурзинских» сел, умерших также стараются хоронить на своих погостах. На могилах оставляют кружку и чашку для поминальной еды. В 2012 г. на кладбище с. Кожай-Максимово построили часовню. В с. Кожай-Андреево сохранилась старинная традиция установки на женские могилы деревянных православных крестов с крышками, на мужские могилы ставят кресты без них. Здесь также имеется стол со скамейками для общей трапезы в поминальный день перед Троицей.

В 2000-е гг. в селах началось также церковное возрождение. В с. Кожай-Максимово первоначально в 2003 г. на месте бывшей церкви установили поклонный крест, затем в 2006 г. поставили часовню, а в 2009 г. – возвели церковь во имя Космы и Дамиана Асийских. Рядом с церковью возвели также странноприимный дом для паломников [5]. Так как в зимнее время храм закрыт, то престольный праздник был перенесен на лето. По благословению митрополита Уфимского и Стерлитамакского Никона его отмечают 14 июля, в день памяти Космы и Дамиана Римских. Службы в храме проходят только летом, приезжает священник из г. Белебей. При храме существует скит Свято-Сергиевского женского монастыря (г. Белебей) и действует православный приход. В 2018 г. был зарегистрирован православный приход храма в честь святых бессребреников Космы и Дамиана в с. Кожай-Андреево. Его строительство, начатое около пяти лет тому назад, было осуществлено местным жителем Егором Фроловым. Церковь также возведена на месте бывшего культового сооружения. Службы проводят по большим праздникам, приезжает священник из г. Октябрьский.

Таким образом, мордву, проживающую в с. Кожай-Максимово Ермекеевского и с. Кожай-Андреево Туймазинского районов Республики Башкортостан, можно выделить в отдельную этносословную общность, сохранившую свое самосознание и самоназвание и имеющую языковые и этнокультурные особенности. Она сложилась в XVIII столетии на основе переселенческой группы потомков мордовских мурз, у которых сословный титул превратился в этноним. Хотя они и считают себя мордвой-эрзей, но четко отделяют себя от них по языковым и этнокультурным особенностям. В их языке и культуре наблюдается переплетение как эрзянских, так и мокшанских черт. Практически распавшаяся в 1980-е гг. общность «кажаевских мурз», в 2000-е гг. начала возрождаться. Наблюдения

свидетельствуют о желании жителей этих сел и выходцев оттуда сохранить и развивать свой «мурзинский язык» и традиции.

Исследование выполнено в рамках государственного задания № АААА-А21-121012290086-0 ИЭИ УФИЦ РАН на 2021–2023 гг.

1. Белицер В.Н. Народная одежда мордвы. – М.: Наука, 1973. – 215 с.
2. Демидов А.Н. Грамота царя Иоанна Васильевича мордовским князьям и мурзам Алатурского и Арзамасского уездов 1572 года // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2017. № 2. – С. 89–97.
3. Демидов А.Н. Прощение о дворянстве мордовских князей и мурз Казаковых и Покшазорских // Центр и периферия. – 2020, № 4. – С. 19–24.
4. Демидов А.Н. Служилая мордва в XVII – XVIII веках // Гуманитарий. Актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2016. № 2. – С. 31–39.
5. Качалова И. Храм на родной земле // Приютовский нефтяник. – 2019. – 25 июль. – № 29.
6. Кильмаматов Р.Р. Проблема трансформации этнической идентичности служилых мишарей Южного Урала во второй половине XIX – начале XX в. // Манускрипт. – 2021. Т. 14. Вып. 6. – С. 1107–1111.
7. Марискин О.И. Алатырский край и Башкирия в XVII – XIX вв. // Река времени. 2014. Сб. статей. – Уфа, 2014. – С. 31–49.
8. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ).
9. Семенов А.Ф. Бижбуляк: прошлое и настоящее. Исторические очерки о деревнях Бижбулякского района Республики Башкортостан по архивным документам. – Бижбуляк, 1998. – 121 с.
10. Список населенных мест Российской империи. Т. XLV. Уфимская губерния. – СПб., 1877. – 195 с.
11. Труфанов Н.В. Современное этнокультурное состояние русских однодворческих общин Самарской области (на примере села Геранькино Борского района) // Вестник магистратуры. – 2020, № 5–1 (104). – С. 47–49.
12. Уфимские епархиальные ведомости. – 2016, № 9 (317).
13. Численность населения по населенным пунктам Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года: статистический бюллетень. – Уфа, 2012. – 153 с.

Синицын Д.А.

Мемуары и источники личного происхождения о сражении при Малоярославце

*Государственный социально-гуманитарный университет
(Россия, Коломна)*

doi: 10.18411/trnio-11-2021-133

Аннотация

В настоящей статье рассмотрена роль источников (личного происхождения и мемуаров) в исторических исследованиях, посвященных сражению, произошедшему 12 (24) октября 1812 года при Малоярославце. Рассмотрены подготовка и ход сражения при Малоярославце 12 (24) октября 1812 года, проанализированы итоги сражения, потери, а также изучены отличные точки зрения на исход сражения, как с отечественной стороны, так и с зарубежной.

Ключевые слова: опубликованные источники, мемуары, воспоминания, Малоярославец, Отечественная война.

Abstract

This article examines the role of sources (personal origin and memoirs) in historical research on the battle that took place on October 12 (24), 1812. The preparation and course of the battle of October 12 (24), 1812 are considered, the results of the battle, the number of losses on both sides are analyzed, and excellent points of view on the outcome of the battle are studied, both from the domestic side and from abroad.

Keywords: published sources, memoirs, memoirs, Maloyaroslavets, the Patriotic War.